

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U   B U L L E T I N
№ 9/2009

Scientific journal

“Literature Theory and Folklore Studies” Series

Moscow 2009

ВЕСТНИК РГГУ
№ 9/09

Научный журнал

Серия «Литературоведение. Фольклористика»

Москва 2009

УДК 821(05)
ББК 82.3(0)я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Литературоведение. Фольклористика»

Редакционная коллегия:

В.И. Тюпа – отв. редактор серии
С.Ю. Неклюдов – отв. редактор выпуска
О.Б. Христофорова – зам. отв. редактора выпуска
Е.С. Новик
А.С. Архипова
А.В. Козьмин
Е.Е. Жигарина
Е.Н. Дувакин
Д.С. Николаев

ISSN 1998–6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>C.IO. Неклюдов</i> Теоретическая фольклористика в Российском государственном гуманитарном университете	11
<hr/>	
Фольклор и мифология народов мира	
<hr/>	
<i>Ю.Е. Березкин</i> Фольклор и мифология Африки в свете представлений о прародине человека	18
<i>E.C. Новик</i> Жанровое пространство фольклора айнов	44
<i>T.A. Анikeева</i> Турецкая народная повесть: особенности жанра и проблемы изучения	59
<i>Д.С. Николаев</i> «Книга захватов Ирландии» на фоне устной и письменной исторической традиции	65
<i>H.B. Возякова</i> Стихосложение гавайских песен (mele): опыт применения одного статистического показателя	75
<i>A.B. Козьмин</i> Стихосложение гавайских песен (mele): опыт применения одного статистического показателя	91
<i>E.H. Дувакин</i> Голова Медузы Горгоны: семантика апотропея	97
<i>H.B. Петров</i> Сюжетно-мотивный состав русского эпоса: пролегомены к указателю	105
<i>M.A. Гистер</i> Сказитель-просветитель: былинная традиция в «русских сказках» В.А. Левшина	122

Прагматика фольклора

<i>O.B. Христофорова</i>	
Несказочная проза и символическая стратификация социального пространства	138
<i>E.B. Сафронов</i>	
Актуализация «dream-telling» в похоронно-поминальном обряде (на материале Ульяновской области)	159
<i>B.E. Борисов</i>	
Народные видения в делопроизводственных источниках XVII–XVIII вв.: между фольклором и книжностью	169
<i>A.B. Мороз</i>	
«Тетрадь для записей людей, посещающих часовенку...»	179

Современные формы фольклора

<i>E.E. Жигарина</i>	
Сценарные значения паремий в контекстах произнесения	196
<i>M.B. Ахметова</i>	
Русскость как топос «локального текста»: случай Мурома	207
<i>M.L. Лурье</i>	
Народная баллада «В одном городе близ Саратова...» (постановка вопросов и публикация вариантов)	216
<i>C.YO. Неклюдов</i>	
Происхождение анекдота: «Муха-цокотуха» под судом советских вождей	259
<i>A.C. Архипова, M.A. Мельниченко</i>	
Ранние анекдоты о Сталине: материалы к систематизированному собранию (1925–1940)	271

Экспедиции

<i>C.YO. Неклюдов</i>	
Монгольские экспедиции 2006–2008 гг.	353
<i>O.B. Христофорова</i>	
Мифологическая традиция Верхокамья	359
<i>A.C. Васькина</i>	
«По одёжке встречают...», или святочное ряженье Русского Севера	369

Рецензии

A. Крикманн

Поклон Альфреду Журинскому (по следам его «Загадок народов Востока»). Рецензия на книгу: Журинский А.Н. Загадки народов Востока. Систематизированное собрание / Сост. А.В. Козьмин. Ред. А.С. Архипова. М.: ОГИ, 2007. 536 с. 374

T.C. Ильина

Рецензия на книгу: Богатырев П.Г. Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин; Под ред. Е.С. Новик. М.: ОГИ, 2007. 368 с. (Нация и культура: Научное наследие: Семиотика) 400

Е.Н. Дувакин

Рецензия на книгу: Миф, символ, ритуал. Народы Сибири [Сб. статей в честь Е.С. Новик] / Сост. О.Б. Христофорова; Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2008. 354 с. (Традиция–текст–фольклор: типология и семиотика) 407

Г.М. Казаков

Рецензия на книгу: Кирпичики. Фольклористика и культурная антропология сегодня: Сборник статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. 588 с. 413

Д.С. Николаев

Рецензия на книгу: Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из сборания «Боян» Андрея Брайдо, Джаны Кутыиной и Якова Брайдо) / Сост. и ред. М.Л. Лурье. М.: ОГИ, 2008. 568 с.: ил. (Нация и культура/Фольклор: новые материалы) 416

Основные научные публикации Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (Монографии, коллективные труды, учебные пособия) 421

Abstracts 423

Сведения об авторах 432

Е.В. Сафонов

АКТУАЛИЗАЦИЯ «DREAM-TELLING» В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В современной речевой практике сновидения могут быть пересказаны практически в любых обстоятельствах. Однако существуют ситуации, в которых воспроизведение рассказов о снах особенно актуально. К ним, в частности, можно отнести один из фрагментов похоронно-поминального ритуального комплекса – первые поминки по умершему, происходящие сразу после похорон. В данной статье, основанной на авторских полевых материалах 2001–2008 гг., рассмотрен ряд таких фрагментов. Проведенный анализ показал, что dream-telling является неотъемлемой частью указанного ритуально-обрядового комплекса в целом (наряду с причитаниями, духовными стихами и т. п.).

Ключевые слова: рассказы о сновидениях, коммуникация умерших и живых, ритуальный контекст.

Рассказы о снах, как и любой жанр несказочной прозы, жестко не прикреплены к каким-либо конкретным обстоятельствам или временному периоду: пересказать эти тексты можно, в принципе, «где угодно»¹. Однако при этом релевантно, на наш взгляд, говорить о ситуациях, в которых репродуцирование рассказов о снах особенно актуально. По нашим наблюдениям, воспроизведение текстов этого жанра приобретает специфическую значимость в опасные, переходные, судьбоносные для отдельного человека или определенной группы людей периоды (экзамены, болезнь, смерть, война, авария и т. п.).

В традиционной культуре повышенное внимание на сновидения обращают и в ритуально маркированных ситуациях², в особые – также значимые для той или иной традиции – периоды времени (календарные праздники, определенные дни недели или месяца и т. п.³).

Е.В. Сафонов

Заметим, что мы не ставим здесь задачи описать – даже схематично – функционирование текстов о снах во всех указанных выше ситуациях. В этой статье (в качестве своеобразной иллюстрации) мы остановимся на отдельном примере актуализации dream-telling, связанной с конкретным фрагментом похоронно-поминального ритуального комплекса – первых поминках по умершему (происходящих сразу после похорон).

Основной материал, на который мы будем опираться, записан на нескольких поминках в селах Сара и Проломиха Ульяновской области (при фиксации текстов использовался метод включенного наблюдения). В качестве дополнительного контекста будут привлекаться некоторые аналогичные городские рассказы о снах, а также тексты, записанные методом обычного интервью.

Ниже мы представим описание того, как происходит сам процесс актуализации, опираясь на полевой дневник автора.

8 августа 2006 г. в с. Сара проходили поминки по А.И. Прошкину, 1962 г.р. Сновидения, которые рассказывались на поминальном обеде и после него, встраивались говорящими в серию текстов особого рода, которые мы условно предлагаем называть «биографическими поминальными нарративами»⁴.

Функция этих рассказов – напомнить (точнее – совместно вспомнить) собравшимся об умершем, его лучших качествах, ярких – иногда даже шуточного характера – ситуациях, в которых были задействованы говорящий и тот, которого поминают и т. д. Создается, говоря несколько отвлеченно, коллективный портрет умершего, в который любой из собравшихся может добавить нечто свое. Большую активность проявляют здесь не столько родственники, сколько друзья и соседи.

О снах начинают говорить тогда, когда описывают временной период, непосредственно предшествующий смерти или связанный с уже случившимся несчастьем. Так, соседка А.И. Прошкина, не знаяшая, что он находится в больнице, накануне его смерти слышит во сне некий мучающий ее голос, терзается странными мыслями, не может заснуть и т. п. При этом манифестируется особое родство с умершим («роджены в один день», тождественность группы крови), которое как бы объясняет экстрасенсорную связь с соседом. В finale рассказа специально подчеркивается то, что известие о смерти стало известно после сна, тем самым текст соотносится с реальностью по принципу «сбывшегося» сновидения:

Мне приснилось, мы одной крови, вместе рождены в один день, у нас одна кровь – вторая группа, просто люди понимают друг друга, – зависимость. И вот (я не знала, что он [А.И. Прошкин] в боль-

Актуализация «dream-telling» в похоронно-поминальном обряде...

ницу попал), я вот вечером ложусь спать, час ночи, два, мне вот как вторая сила говорят, не знаю, – какие силы говорят: «Ты что спиши, – Прошкин-то умирает!». Я: «Почему он умирает?». Я встану – опять, ты что, Господи, опять час прошёл, опять мне какие-то вторые силы: «Прошкин-то умирает», – мой сосед любимый <...> Я побояла – потому что мы одна кровь, мы вместе рождены в один день <...> И я ладно, всё это прошло, – я утром прихожу к Марьке, там девчонка моя работает, я звоню этой девчонке: «Марин...», – там чё-то наказать ей... «Тётя Таня, а как Прошкин?». Я грю: «А чё Прошкин?» – видь не знала, что ему делают операцию, это у меня уже вторые чувства...⁵

Другая односельчанка, хорошо знавшая умершего, поддерживает соседку следующим рассказом о сне:

[Накануне смерти А.И. Прошкина снятся] разноцветные цыплята, – клушка вывела, и вторая, и третья <...> Там ещё разноцветный цыплёнок идёт. И говорю: «К чему этот сон?» [сон связывается с произошедшим]⁶.

«Коренной» друг А.И. Прошкина – И.Д. Умрик, говоря о нем, пересказывает сновидения самого умершего, приснившиеся ему накануне смерти (со слов его жены). Характерна установка говорящего: «Фактически я хотел этого [чтобы рассказали о друге, как он умирал, что сопровождало его “ход”], потому что я знал, что должно что-то такое быть, – никого не спрашивал, но мне эту информацию сказали».

О «вещих» сновидениях покойного знают некоторые его близкие, собравшиеся на поминках. Они пересказываются в разных вариациях. Центральный образ-мотив этих рассказов – умершие свояки, приглашающие сновидца с собой, что расценивается как предвестие смерти:

Он [А.И. Прошкин] опять говорит, что у него свояки... там были, они умерли, – они привиделись, приснились <...>. Вот два свояка, – они там умерли, допустим, в определенный срок, – одному сорок дней тут было... И, допустим, как – они стоят, и им какой-то там дедушка в белых одеждах, и они, свояки, говорят ему: «Александр Иванович, <...> приходи к нам, нам без тебя тяжело, у нас есть, – как там, калым или шабашка, я не знаю, – мы будем строить маленькие домики», – да они сказали: «Мы будем маленькие домики строить, мы уж тебе работу там нашли <...>»⁷.

Е.В. Сафонов

Сон, пересказанный другом покойного, тут же подхватывается теми, кто находится рядом с говорящими: текст пересказывается, добавляются новые подробности. Так, соседка А.И. Прошкина после рассказа И.Д. Умрика сообщает окружающим о том, что происходило далее «по сюжету»:

Только он [Прошкин, после сна] ответил [своей жене Лене]: «Чё ж, – говорит, – за мной смерть, что ль, приходила?». А Лена говорит: «А ты думаешь, что в белом смерть приходила?». А он и говорит: «А ты откуда знаешь, смерть, – говорит, – и в чёрном, приходит, и в белом приходит, я, говорит, видел». Ну, это были [умершие] родственники, – мужчина его звал в белом, в белом, говорит <...>⁸.

От другой жительницы с. Сары зафиксирован следующий вариант приведенного выше текста:

Вообще, с этой семьёй [семьей умершего А.И. Прошкина] я очень давно дружу – с тех пор, как я приехала... И видишь – опять сон ему снится... Что вот перед этим умерли его там родственники, они ему говорят: «Сашк, айда быстрее, идём на эту сторону реки, быстрай-быстрой пошли, потому что там у нас калым, – быстро...»⁹.

Как мы указывали выше, приведенные тексты функционируют не как нечто самостоятельное, а сопрягаются с массой других примеров, так или иначе связанных с биографией покойного: формулы искренней благодарности (покойный многим в селе «провел газ») перемежаются с воспоминаниями о том, как А.И. Прошкин «буквально перед смертью» заходил к кому-либо – «по делу» или «так просто» (например, зашел «перед больницей и попросил пирога дать»), как «перед самой смертью» ему стало легче или как он сам «сцепил» руки на груди – крест-накрест – «будто он специально знал и подготовился [к смерти]» и т. д.

Создается своеобразная поминальная биография, в композиции которой сны (или – наоборот – рассказы о бессоннице накануне смерти), предчувствия, «голоса» и т. п. занимают свое вполне определенное место, – иногда весьма значительное.

Актуализация dream-telling не всегда столь эксплицитно реализуется, но то, что описанная ситуация не является чем-то необычным, а наоборот, – вполне типична для похоронно-поминальной обрядности, доказывается и другими полевыми наблюдениями. Так, во время поминок после похорон А.И. Мочнова, 1930 г. р., от его дочери Татьяны Александровны был записан следующий рассказ о

сне (далее мы процитируем полевой дневник нашей коллеги – А.М. Карвалейру¹⁰):

Они [дочери покойного] разговаривали на кухне с сестрой, и сестра – Нина Александровна – говорит: «Ну, что, Таня, снилось тебе что-нибудь?». А она говорит: «Вот я так устала, и во время того, как у папы-то сидела, и пришла на кухню прикорнуть. И вот только прикорнула и вижу: папа, молодой такой, и говорит: “Прощайте, спасибо вам всем”».

Обратим внимание на характерный вопрос одной из беседующих: он предполагает, что так или иначе покойный должен проявить себя (не обязательно через сон), установить контакт, проститься и т. д. В этом отношении не случайно и другое наше наблюдение: в указанном селе (а также в соседнем – с. Засарье и других селах) в процессе беседы с информантами мы не раз сталкивались с описанием, которое, несколько перефразируя Ж. Ле Гоффа, можно назвать «анти-онирической биографией»¹¹. Суть его в следующем: рассказывая о себе, информанты (в основном, женщины-вдовы) говорили о том, что «хотела, чтоб [муж] приснился» или: «Вот хочу, чтоб во сне [муж] пришел, а – нет ничаво», или: «Сколько схоронила – никто не снится»¹² и т. п. Подобные высказывания нередко сопровождаются информацией о том, что вот «другим» (соседям, родственникам и т. д.) «снится, а мне – нет».

Такие сообщения свидетельствуют о наличии представления о том, как может быть, как должно быть, как бывает и т. д. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о присутствии в традиционной культуре определенного «слота» или определенной позиции в коммуникативной парадигме «умершие/живые», которая должна быть так или иначе заполнена. Отсутствие этого заполнения (аналогично нулевому аффиксу в словообразовательной парадигме некоторых лексем) значимо, не случайно, требует какого-то осмыслиния и обязательно эксплицируется. Например, рассказчик может упоминать о своем горячем желании увидеть во сне умершего, часто поминает его, обращается за помощью, то есть так или иначе стремится компенсировать отсутствие упомянутого «заполнения» (контакта через сон). Однако контакт не происходит, в результате чего создается «анти-онирическое» описание. Например:

Я вот, – у меня мама умерла, – девяносто ей три года. Я всё время ей: «Мам, ну, приснись ты хоть во сне мне!». Как я её – каждый день вспоминаю, каждый день я её поминаю. Вот давеча пошла в посадку за грибами, говорю: «Мам, помоги мне маненько

Е.В. Сафонов

хоть набрать грибов-то!» – я целое ведро набрала. Ну, и вот пришла и говорю: «Мам, набрала ведь я грибов-то, ну, что ты никогда мне не приснишься?». Нет, не снится никогда, а поминать – поминаю всягда¹³.

Отметим, что воспроизведимые на поминках сны могут иметь особую психотерапевтическую функцию: к поминальной биографии покойного иногда присоединяются рассказы о других умерших, описание судьбы (или обстоятельств смерти) которых так или иначе схоже с историей покойного. Благодаря этому дискурс собравшихся выстраивается таким образом, что заставляет родственников умершего воспринимать сложившуюся ситуацию на основе принципа, который можно сформулировать так: «не мы – первые, не мы – последние», «не только у нас случилось это» и т. п. Это, безусловно, приносит успокоение, так или иначе гармонизирует тяжелую ситуацию утраты.

В качестве примера можно привести описание похорон четырнадцатилетнего мальчика – А. Трунина, проходивших в 2001 г. в с. Проломиха Ульяновской области. На поминках после похорон была воспроизведена серия нарративов о снах, среди которых особенно значимы рассказы матери умершего:

Сын ей все время снился при жизни и снился очень плохо: то он упадет во сне в яму, то он приснится со всеми умершими родственниками и т. д. Все женщины на поминках начали говорить: «Это означает, что ранняя смерть – его судьба, она предписана Богом, ты не переживай» и т. п. Другая женщина, присутствовавшая на поминках, рассказала о том, что у нее умер племянник – также молодой парень. При этом она сообщила свой сон, в котором она увидела пришедшего к племяннику Бога. Бог сказал: «Ты не переживай, со всеми простись, с матерью простись <...> я тебя призываю». В общем, этот сон она рассказала на поминках, и мама Трунина начала немного успокаиваться¹⁴.

Описанные ситуации актуализации dream-telling – особенность не только сельской культуры. На поминках, происходящих в городе, рассказы о снах также включаются в поминальную биографию: пересказываются вещие сны, приснившиеся родственникам накануне смерти, вспоминаются аналогичные сны о других умерших¹⁵ и т. д. В связи с этим мы рассмотрим один любопытный фрагмент из описания городских поминок, несколько дополняющий общую картину.

Родственница покойной (Л.Л. Голубковой, около 60 лет, г. Ульяновск) рассказала на поминках несколько своих вещих сновиде-

ний, предсказавших, по ее мнению, смерть сестры. Основные образы-мотивы этих рассказов так или иначе связаны с разлукой (во сне) с сестрой, с невозможностью ей позвонить, встретиться и т. д. Один из этих текстов привлек всеобщее внимание собравшихся и тут же получил коллективную интерпретацию:

Я была у сестры Лиды [умершей] в гостях [во сне], и она очень не хочет, чтобы к ней в гости приходили, она недовольна, что вот гости ее навещают. Я ее не видела саму, вот... Она не хочет, чтобы к ней приходили в гости... И, вроде, я к ней и не попала, а просто смотрела, как там... И знаешь, как будто дом из зелени, – всё так красиво – цветы, зелень <...>. Она не хотела, чтобы мы с Леной [другой сестрой рассказчицы] приходили к ней в гости... Еще там присутствовал Санька – Маринки нашей [общей знакомой собравшихся] муж <...>¹⁶

Интерпретация, предложенная собравшимися, состояла в следующем: накануне поминок к рассказчице приходил упомянутый в тексте «Санька», который, по словам сновидицы, выпил «полбутылки водки», предназначавшейся для поминального обеда. Именно этим, по общему решению, была недовольна умершая сестра, поскольку эта водка «не в помин пошла, а зря только».

В данном случае воспроизведен рассказ, в центре сюжета которого – типичный для данных текстов мотив указания на нарушение. Контроль за «правильностью» похорон и поминок осуществляется умершими в процессе самого обряда: родственникам, судя по многочисленным примерам, достаточно ненадолго заснуть «от усталости», и умершие немедленно стараются воспользоваться открывшимся благодаря этому каналом коммуникации – чтобы проститься, указать на нарушение определенных правил, успокоить и т. п.

Таким образом, рассказывание сновидений на поминках имеет ряд значимых социально-культурных функций. Важнейшая из них – своеобразная социализация смерти. В этом отношении dream-telling поддерживает общую направленность всех «шагов» похоронного ритуала: «Для того чтобы человек стал мертвым и в социальном плане, необходимо совершить специальное преобразование, что и является целью и смыслом погребального ритуала»¹⁷.

Судя по рассказам о снах (записанным не только на поминках, но и путем обычного интервьюирования), переходящий границу между мирами, как бы меняющий свою бытийную принадлежность человек собирает вокруг себя всех родственников – и мертвых и

Е.В. Сафонов

живых. Он, его смерть – точка пересечения двух миров, необыкновенно тесного их сближения¹⁸.

Ср., например:

Незадолго до смерти мама видела сон, как будто к ней пришли все умершие наши родственники <...>¹⁹.

Мне за полгода до его [деда] смерти приснилось, что я вижу всех своих родственников, умерших и живых, и они говорят мне, что такого-то числа твой дед умрет...²⁰.

В то же время те, кто отсутствует, по какой-либо причине не принимает участия в этом «собирании» вокруг умершего, однозначно воспринимаются как нарушители, на которых обижаются и т. п. (здесь активно функционируют сны, в центре которых – мотив указания на нарушение):

[Информантка не смогла приехать на похороны своей бабушки]
<...> Мне в ночь, вот в эту же, снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: «Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала»²¹.

В этом отношении любопытно другое наше наблюдение, сделанное на поминках в с. Потьма Ульяновской области: вдова и мать умершего вспоминали и называли всех родственников, которые по тем или иным причинам не смогли приехать. Тем самым – путем номинации – создавалось их виртуальное присутствие и, соответственно, соприсутствие. Таким образом осуществляется своеобразная компенсация произошедшего нарушения.

Учитывая приведенные описания, обобщим наши наблюдения:

1. Актуализация dream-telling на поминках и результаты этого процесса – рассказы о снах – выполняют ряд значимых социально-культурных функций, во многом синонимичных функциям текстов, включаемых в поминальные нарративы (как и функциям всего похоронно-поминального обряда). К ним, в частности, относятся: социализация смерти, психотерапевтическая, мемориальная (создание «поминальной биографии»), интегрирующая (объединение говорящих в едином ритуальном «тексте смерти»), контролирующая (контроль за правильным выполнением основных шагов обряда), гносеологическая, дидактическая и другие функции.

2. Поминки (как и весь комплекс похоронно-поминальных акций) относятся к ритуально- и культурно-социально маркированным ситуациям. Актуализация dream-telling в этот период – лишь

частное проявление той общей переходности, повышенной проницаемости границ между мирами, созданной «центральной акцией» умершего – собственно актом смерти.

Акт смерти инициирует сложный ритуально-культурный механизм, во время которого «жизнь и смерть не просто соприкасаются и пересекаются, но, как ни в какой другой ситуации, проявляются во всей своей реальности и глубине смыслов»²². При этом, по нашему мнению, рассказывание сновидений (то есть сам процесс) нельзя расценивать только как, например, «цитату повседневности», включение «неритуальных явлений в сферу ритуала»²³. Актуализация dream-telling, судя по всему, – одна из важнейших экспликаций той вербальной «оркестровки», которая является неотъемлемой частью указанного ритуально-обрядового комплекса в целом (наряду с причитаниями, духовными стихами, быличками и т. п.).

Примечания

- ¹ Ср.: *Virtanen L. Dream-telling today // Studies in oral narrative / Ed. by A.-L. Siikala. Helsinki, 1989.* Р. 138–139.
- ² В основном имеются в виду обряды «жизненного цикла» – рождение ребенка, свадебный и похоронно-поминальный обрядовые комплексы. См., напр.: *Листова Т.А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.* М., 2001. С. 42–44; *Листова Т.А. Народные представления о душе, связанные с деторождением // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв.* М., 2002. С. 116, 120–127; *Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточных обрядов.* СПб., 1993.
- ³ См. об этом, напр.: *Виноградова Л.Н. Гадание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т.* М., 1995. Т. 1. С. 483–484; *Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.* М., 1957. С. 87, примеч. 87; *Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра.* СПб., 1995. С. 33, 36–37; *Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила.* Смоленск, 1995. С. 506, примеч. 2.
- ⁴ В этом отношении сновидения в определенной степени близки к некоторым рукописно-книжным видениям, нередко входящим «в состав более крупных – исторических и агиографических – произведений» (см.: *Пиггин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности.* СПб., 2006. С. 219).
- ⁵ Пахомова Татьяна Васильевна, 1952 г. р., среднее образование, род. и проживает в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.
- ⁶ Любовь Александровна, ок. 60 лет, среднее образование, род. и проживает в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.

Е.В. Сафонов

- 7 Умрик Иван Данилович, 1962 г. р., высшее образование, проживает в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., род. в г. Волгоград, в с. Сара с 70-х гг., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов, И. Павлов.
- 8 Любовь Александровна, ок. 60 лет, русск., среднее образование, род. и проживает в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.
- 9 Подрядчикова Марина Анатольевна, ок. 50 лет, проживает в с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл., род. в Самарской обл., в Саре ок. 17 лет, зап. 8 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.
- 10 Примеры текстов, записанных на похоронах А. Трунина (с. Проломиха Ульяновской обл.), которые мы цитируем ниже, также взяты из упомянутого дневника. Выражаем искреннюю благодарность А.М. Карвалейру за возможность использовать ее материалы.
- 11 См.: *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 333.
- 12 Анисимова Марья Федоровна, 1935 г. р., 4 кл., род. и проживает в с. Сара Сурский район Ульяновской обл., зап. 10 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.
- 13 Волгушова Антонина Андреевна, 1932 г. р., 5 кл., род. и проживает в с. Засарье Сурского р-на Ульяновской обл., зап. 11 авг. 2006 г., соб. Е. Сафонов.
- 14 Материалы из полевого дневника А. М. Карвалейру.
- 15 Это не означает идентичности данных похоронно-поминальных комплексов, тем более что похороны, так сказать, «сельские» в разных локусах (селах, районах и т. п.) также имеют ряд значимых структурно-содержательных отличий. Для нас здесь важен сам факт упомянутой актуализации и в селе, и в городе.
- 16 Терехина Людмила Леонидовна, 1958 г. р., высшее образование, проживает в г. Ульяновске с 1970 г., род. в с. Малаховка Конышевского р-на Курской обл., зап. 2005 г., соб. Е. Сафонов.
- 17 *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 101.
- 18 О мотиве «собирания родственников» в так называемом «тексте смерти» см., напр.: *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 106, 292 и сл.; *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 188.
- 19 Самиева Анна Васильевна, 1986 г. р., среднее образование, проживает в г. Ульяновске, род. в г. Душанбе, зап. 2004 г., соб. Н. Хороших.
- 20 Александр Александрович, ок. 23 лет, среднее образование, род. и проживает в г. Ульяновске, зап. дек. 2005 г., соб. Е. Сафонов.
- 21 Кочеткова Ирина Владимировна, 1972 г. р., высшее образование, род. в с. Русская Бектяшка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., проживает в г. Ульяновске, зап. ноябрь 2005 г., соб. Е. и О. Сафоновы.
- 22 *Байбурин А.К.* Указ. соч. С. 101.
- 23 Ср.: там же. С. 20.